

СВХ. 2020

А. Кузнецов

16+

А. Кузнецов

Нам жить вместе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63687486

SelfPub; 2021

Аннотация

Экспедиция могущественной расы на планете Земля – это не мировое правительство, а небольшой отряд селекционеров. Человечество подобно груше, и наблюдатели поддерживают нужные им направления развития, не обращая внимания на мнение о себе со стороны подопечных.

Содержание

Михаил. Запись от № 7 (Пролог)	4
Пог вернулся	6
Выходные	18
База	30
Михаил: запись № 6	43
Сомнения	45
Михаил. Запись № 8	52
Эпилог	54

А. Кузнецов

Нам жить вместе

Михаил. Запись от № 7 (Пролог)

Меня зовут Михаилом. Фамилия вылетела из головы, но это не самое важное. Одиннадцатое февраля, год две тысячи двадцатый. Последнее, что я помню – мне двадцать. Человек, чью фамилию склоняют на все лады – Ельцин – выступает с танка. Я знаю, что мой отец где-то там, рядом. Я так и не узнал, чем всё закончилось. А теперь – я могу лишь смотреть в окно, даже не доковылять до соседа. Не представляю, что с ним могло случиться. За окном слякоть, новые здания. Дети гуляют на площадке. Значит, за эти три десятилетия по крайней мере не было войны... Я на это надеюсь. Если кто-нибудь услышит мой голос, считайте это предсмертной запиской. Курьёзно, но в правду никто не поверит, да я и сам даже сейчас не хочу верить в это. Я бы лучше счёл себя шизофреником, но уже не верю, как в первые дни, что это всего лишь бред. Итак...

Прошла неделя после моего второго возвращения, если это так можно назвать. За это время не произошло ничего примечательного, если не считать того, что опасения по поводу моего психического состояния сбылись – или, вернее,

не сбылись – в самой извращённой и даже невозможной форме. Даже Рен-ТВ, хотя и муссирует тему пришельцев, никогда всерьёз не стало бы утверждать наличие самой детской формы иных цивилизаций: вампиров в духе Стокера. Но моё тело так или иначе связано с кровью других людей. И, боюсь, самоубийство – единственный доступный мне способ прекратить жизнь того существа, что может вновь завладеть моим телом в любой момент. И женщина, которая заперла меня в комнате, кажется, тоже одна из *этих*. Раньше это казалось невозможным, но сейчас я жалею, что не ходил в церковь: может, священник помог бы мне выбрать иной путь? Жаль, что крест на моей груди – может, от недостатка веры? – не является даже слабой защитой от этих нелюдей.

Пог вернулся

После находки прошёл день. За ним ещё один, и ещё, пока дни не закончились. Потом – как выяснилось позже, из-за сбоя – начались такие же однообразные ночи, изредка прерываемые шипением приёмника, походами в магазин или – чем чёрт не шутит – в ближайшее кафе. Однажды пришлось сделать заказ в мебельном магазине, когда малыш первый раз упал на пол. Я включал приёмник каждый вечер, как только заходило солнце, но ничего, кроме помех, пока что поймать не удавалось.

А однажды выглянул в окно и увидел там снег. «Боже, год прошёл!» – подумал я и, не решив, что же с того, опять лёг на диван. Часы напротив стояли: батарейка села несколько недель назад. Заполз на коляску, выкатился на лестничную площадку и с донельзя глупым видом позвонил соседям. Через минуту дверь приоткрылась, из неё показался кот, за ним с негромким «Кышшш» – хозяйка. Спросил: «Извините, не подскажете дату? Не уследил». Почувствовал, как на поллица расплзается улыбка. Соседка тоже улыбнулась: «двадцать девятое декабря» – и, оглянувшись, видимо, на кота, опять повернулась ко мне: «пять вечера». Я кивнул: «Спасибо».

Вернулся к себе. Итак, двадцать девятое. Здесь Новый год скоро. Ёлка, Дед Мороз. Подарки. Здесь... До сих пор не мо-

гу привыкнуть. Меня передёрнуло: 2019-й подходил к концу. Если верить Люксу, где-то в Китае один придурок уже съел несчастную зверюшку, поражённую малоизвестной болезнью. Где-то уже принимаются решения о войне. Кто-то уже считает грядущие прибыли. И весь этот дурацкий, но, в общем, милый мир делает вид, что всё катится к лучшему.

Захотелось встать, выйти на улицу. Чтобы не пугать людей, забрался в инвалидную коляску, выкатился. Но стоило открыть дверь, вдохнуть зимний, земной воздух, как жёлтая пелена на глазах отгородила от меня тротуар, людей... Я на ощупь вернулся обратно в свою конуру. Получается, я уже не мог толком дышать, как тогда быть дальше? Холодильник пуст, от коллег никаких известий. Значило ли это, что пора готовиться к худшему? Самоубийство не выход, опыт Пога это хорошо показал.

Не дожидаясь заката, я включил приёмник. На этот раз кроме мерного шуршания из динамика донеслись какие-то попискивания. Попытка передать что-то двоичным кодом? На всякий случай сделал запись, но, сколько ни бился, так и не смог вычленить ничего вразумительного. Пока я возился с дешифровкой, проклиная на чём свет этот дурацкий год, неожиданно ясный голос произнёс: «Пог, Гур, Ленц, если вы слышите меня, я буду выходить на связь в это время каждый день, около минуты. Мне нужна помощь, я в...». Вне себя от нетерпения я вслушивался в тишину комнаты, но передача уже прервалась.

Похоже, Декс всё же смог как-то преодолеть, как он говорил, «небольшие затруднения». Жаль, у меня нет передатчика, чтобы ответить ему. Небольшие затруднения были у всех. Большие, наверное, были у Пога. Я на култых проскакал в кухню, где на столе лежал свёрток. Да уж, сюда бы местную опеку! В свёртке лежал трёхмесячный малыш, брошенный какой-то не очень ответственной женщиной у помойки. Я даже застал этот момент, но ничего не стал говорить, потому что накануне смог наконец локализовать Пога. Тогда же, стоя недалеко от помойки, я даже мог уловить его сигнал, видимо, записанный заранее: «Холодно! Забери малыша, а то мы тут окоченеем, я не могу поддерживать его вечно!» В некотором смысле им обоим повезло. За прошедшее время малыш не умер, что меня сильно обрадовало. Пришлось, правда, продирается сквозь дебри местной литературы по содержанию детей, но общие принципы были понятны: кормить, соблюдать температурный и санитарный режим, давать новые впечатления, желательно, в форме общения с другими людьми. С впечатлениями я ничего поделаться не мог, чтобы не привлекать внимания, но с этим вполне мог справиться Пог.

Малыш проснулся, глядя на меня спокойными глазами. Я достал с полки флакон с питательной смесью, забрался на табурет и стал кормить его, надеясь, что Пог, вопреки своей обычной бестактности, не будет вмешиваться. Когда малыш завершал приём пищи, глаза его начали жмуриться. Это был

уже Пог. Спасибо хоть, дал доесть. Пару минут я наблюдал, как он пытается совладать со своим телом. Руками он вполне уже овладел, теперь же, как я понял, хотел научиться работать с мимикой. Сколько я ни объяснял ему, что существенно ускорить развитие его физического тела невозможно, он упорно занимался этим делом каждый день. Несколько раз, когда я думал, что он спит, и в этом теле находится обычный ребёнок, он, видимо, забыв, что самостоятельно встать ещё не в состоянии, скатывался со стола на пол а потом трусливо сбегал, оставляя бедного человечка кричать и извиваться на полу. Тогда я и купил кроватку с высокими бортами. Наконец мне надоело смотреть на кривляния, я щёлкнул Пога по носу, установил над ним кронштейн с нарисованными буквами, который сконструировал вчера, и начал.

– Пог, ты слышишь?

Мозг малыша самостоятельно не способен был ещё разбирать речь, поэтому Погу приходилось заставлять его вслушиваться в каждый звук, а потом уже анализировать и складывать в слова. Но это всё было большим шагом вперёд по сравнению с первыми неделями, когда я даже не мог ещё быть полностью уверен, что Пог вселился именно в этого человека.

Ручка малыша захлопала по столу, что означало согласие.

– На связь выходил кто-то. Похоже, Декс. Просит о помощи, но связь прервалась. Впрочем, наверное, не срочно, он сказал, что будет выходить на связь ежедневно.

Тело ребёнка забилося, как в конвульсиях: Пог размышлял. Наконец, немного успокоившись, он стал водить рукой по алфавиту. С координацией было так себе, поэтому мне приходилось замечать малейшие задержки у тех или иных букв. Наконец, после нескольких попыток, я понял, что хочет сказать Пог: «Уверен, что Декс?»

– Не знаю. Звал тебя, Гура, меня. Получается, Люкс или Декс. Но Люксу в кои-то веки повезло, местные технологии уже позволяют синтезировать простейшую жизнь, сейчас экспериментирует. Даже набрал аборигенов, фирму зарегистрировал, называется на «М» как-то... «Модерна», что ли... Неважно. В общем, ему не до нас. Тебя-то давно не было слышно. Тут на самом деле за последние лет пятьдесят много интересного произошло. До Луны, кстати, добрались.

Пог задёргался, будто его кто-то укусил, потом загукал, глаза стали быстро вращаться, и он опять чуть не свалился со стола.

– Да не бойся ты. Там Гур летал, уничтожил всё, что необходимо. Мы с ним ещё и обставили так, что половина населения Земли сомневается в том, что они вообще там были! В общем, нормально. Сейчас у них космические программы такие, что если полетят, то сразу несколько стран, внедриться несложно будет... У меня проблема с ногами, отвалились, но у них за деньги и ноги приделают. С тобой, конечно, сложнее. Главное, не пытайся повторить попытку, может получиться ещё хуже. Кстати, раз уж наладили диалог, ска-

жи, где ты пропадал?

Пог опять стал водить рукой по буквам. Спустя пять минут взаимных мучений я смог прочесть: «чинил технику».

– Что-то серьёзное?

«Нет. Была мысль по настройке, не удалось».

Ясно. Прошлый опыт его ничему не научил. Пог был единственным, кто имел доступ к включению рабочих передатчиков, и это заставляло его испытывать иллюзию, будто он что-то в них понимает. Лет семьсот назад он по ошибке настолько снизил избирательность, что вселился в натурального местного крокодила, к тому же полупарализованного. Найти его было невероятно трудно, тем более, что в результате Поговских экспериментов передатчик перестал показывать направление на объект. В результате мы прохлопали завершение запущенной Люксом эпидемии чумы, так что ему понадобилось ещё шесть веков, прежде чем он смог поставить новый инфекционный опыт.

Пользуясь своим положением физически старшего, я бросил:

– А если туп, как дерево, родишься баобабом. И будешь баобабом тыщу лет, пока помрёшь. В следующий раз советуйся с Люксом. Он, конечно, не программист, но как биолог должен неплохо разбираться в нашей аппаратуре. Ладно, ты устал, наверное...

Пог помахал рукой, но я не обращал внимания:

– Малышу нужно спать. Режим.

Не знаю, какой у ребёнка был режим, но мне Пог изрядно надоел. Поэтому я настоял на своём:

– Раз уж мы встретились, мне нужен доступ к местной информационной сети. Нужно дать знать остальным. Поспи пока, я вернусь к вечеру.

В холодильнике лежал последний пакет. Морщась (пакет лежала там уже несколько месяцев), я отпил немного, с тоской подумав о том, что в конце зимы нужно будет пополнять запас. Или... По спине пробежал холодок предвкушения. Да, пожалуй, встреча с Погом – достойный повод. Стоит это отметить. Сделав ещё глоток, я вылил остальное в раковину.

На этот раз улица встретила меня пронзающим ветром, поэтому я быстренько отключился от кожных рецепторов. Но никакой желтизны в глазах. Старая кровь помогла. Через полчаса добрался до салона связи. Молодой продавец курил около входа. Завидев меня, подбежал:

– Вам помочь?

Я отмахнулся:

– Спасибо, мне уж проще самому. Лучше продайте мне телефон.

Продавец настороженно оглядел меня:

– Вам подешевле, подороже?

Должно быть, выглядел я не очень презентабельно – в домашних штанах, рубашке, через прорехи которой просвечивала футболка, с обмотанными грязным скотчем культиями – но брезгливости своей мальчик ничем не выдал. Молодец.

Поэтому я улыбнулся ему:

– Деньги у меня есть. Дорогой необязательно, но там должен быть хороший интернет. А ещё лучше, у вас продаётся что-нибудь с клавиатурой? Ну, ноутбук какой-нибудь?

Продавец, очевидно борясь со своими чувствами, кивнул.

– Есть. Сим-карту будете оформлять? Паспорт с собой?

– С собой. Только сперва дайте мне лист бумаги и ручку.

Когда он принёс требуемое, я написал ему данные паспорта. Он посмотрел мне в глаза, что, конечно, облегчало коммуникацию:

– Извините, пожалуйста, но нужен оригинал.

Настроиться на этого парнишку не составило труда. Через пару секунд я усилил его В-ритм, ослабил почти до нуля Θ, и он схватился руками за прилавок, чтобы не свалиться. Через секунду он пришёл в себя, будучи готовым выполнять все команды.

Поводив рукой над платёжным терминалом, я вышел, сопровождаемый взглядом второго продавца: тот мог заметить, что в руке ничего не было. Но это было неважно.

Проезжая по темнеющему двору под перегоревшим фонарём, я услышал голос, который мог стать достойным завершением этого прекрасного дня:

– Папаш, не мёрзнешь?

Я обернулся. Сзади стояли трое. Лет по двадцать, не больше. Не будут же они нападать на беспомощного инвалида?

– Папаш, есть, чем согреться? Поделись, обижать не бу-

дем!

Я внутренне собрался:

– Ребята, ну подойдите, возьмите. Мне ж не жалко...

Глаза говорившего показывали: обижать будут. В любом случае, что бы я им ни сказал. Он усмехнулся:

– Давай, тащи бухлишко. Тебе не понадобится.

Его товарищи тоже расслабились, подошли ближе. Между нами было метра два.

И тут я упал с коляски.

Они не торопясь подходили ко мне, явно намереваясь ударить.

Когда ближайший ко мне негодяй уже заносил ногу для первого удара, который должен был положить начало веселью, я подпрыгнул на руках так, чтобы наши лица оказались на одной высоте. Он остолбенел, но ничего изменить уже не мог. Через миг я впился в его горло, и, пока он падал, тёплая живая кровь примиряла меня с этим миром, который оказался гораздо более дружелюбнее моего родного. Сделав пару глотков, я краем глаза увидел, что ещё один из нападавших убегает, а третий стоит, не в силах поверить своим глазам. Я сполз со своего «донора» и в один прыжок оказался рядом с третьим, одновременно доставая из кармана бутылку. Повалив его на землю и прокусив сонную артерию – аккуратнее, чем это удалось сделать с первым, – я подставил ёмкость. Кровь хлынула в бутылку, пополняя мой запас. Литра крови должно было хватить ещё на месяц-другой. Второй стоял

поодаль с ошалелым видом. Придурок. Мог бы понять, что бегство – его единственный шанс. Ещё пять секунд, и я был возле него. Глядя на него снизу, окровавленным ртом я просипел:

– Беги, дяденька.

Единственной причиной, почему он остался живым, было то, что вторая бутылка выпала из кармана при моём падении.

Я добежал до коляски, взгромоздился на неё и покатил домой по лёгкому снегу. Завтра снег растает, и до конца зимы земля будет серой с зелёными пятнами травы.

Дома меня ждал... Нет, это всё же был не Пог. Малыш спал в мокрой постели. Завтра же куплю стиральную машину. Какими мерзавцами мы можем быть! Интересно, если местному биологу дать возможность прожить часть жизни в обезьяньем стаде, он будет терзаться муками совести? Наверяд ли, их наука ещё отрицает этические вопросы. Он будет невзирая на возможные последствия, играть роль вожака и «цивилизировывать» их. Они считают себя венцами природы. К сожалению, у них этика является, в основном, производным от религии, хотя, конечно, даже на примитивном уровне они могли бы овладеть психическими инструментами. Даже странно, что технологически относительно развитая цивилизация, несмотря на все наши усилия, так сопротивляется теоцентрическим основам науки.

Выходные

В соответствии с указом, принятым при моём непосредственном участии, я повесил на окна еловые лапы, а вечером зажёл на подоконнике несколько свечей. Электрические гирлянды, украшающие другие окна, конечно, больше соответствовали духу времени, но мне были дороги воспоминания о тех днях, когда работой группы руководил Гур. Методы его были довольно жёсткими, но, признаться, результативными. После пары Гуровских столетий мне иногда казалось, что Люкс намеренно затягивает работу, лишь бы не передавать управление мне. Но, конечно, зная методичный характер Люкса, я понимал, что это не так, и что он просто подводит мир к тому моменту, когда главными станут интересы этики и кибернетики, так что смена руководства произойдёт максимально незаметно.

За окном послышался стройный грохот фейерверков. Стало быть, начало первого. Ни сегодня, ни вчера передача от Декса не повторялась, так что я решил оставить приёмник включённым постоянно. Пока что это никак меня не демаскировало, но лет через пятьдесят придётся что-то придумывать. Более нового оборудования нам не оставили. Потерпевшие кораблекрушение среди аборигенов. Вечный сюжет. Правда, мы так и не смогли до сих пор понять, что же произошло, но Пог всё успокаивал нас – не то обладая ка-

ким-то знанием, не то просто оставаясь верным своему чувству долга, на которое никак не влияла его безалаберность. Все мы тихо надеялись, что он получил на этот счёт какие-то распоряжения, но не решались спросить об этом напрямую.

Пора ложиться спать. Сны мне не принадлежат, но они и нее дают ничего моему "визави", так как он и живёт лишь в моих снах, которых я, конечно, не запоминаю. Закрыв глаза, я дал себе команду и провалился в черноту.

Наутро проснулся от детского плача. Пог – или кто там сейчас – хотел есть. Кровь ему ещё нельзя было давать, так что выдал ему немного детского питания и предупредил, что сейчас выйду: вчера меня так захватила мысль о свежей крови, что я совсем забыл купить обычной еды. Правда, первое января, но, вроде, какие-то магазины могут работать. Доехал до ближайшего супермаркета, взял поддон риса. Кассир посмотрела на меня ошалелыми глазами. Я бросил:

– А ещё я в цирке выступаю.

Рассекая по грязи, я заехал к банкомату, оплатил квартплату и уже выруливал на дорожку, ведущую к дому (отметил про себя, что останки моих позавчерашних жертв практически полностью растворились, о происшедшем напоминал разве что слабых запах, ещё висевший над чуть заметными в снегу крошками костей). Неподалёку валялся труп собаки, очевидно, лизнувшей крови сразу после меня, когда реактивы набирали силу. И тут я допустил ошибку, с последствиями которой мне предстоит жить не один год. Почув-

ствовав холод, я отключил не только кожные рецепторы, но и случайно ослабил вестибулярный аппарат. Так или иначе, я поскользнулся, ударился головой о брусчатку и потерял сознание.

Очнулся я на своей кровати. Что за... Ноутбук стоял на столе включённый. Судя по его часам, прошло пять дней. Кто перенёс меня сюда? Мебель сдвинута, на мне совсем другая – новая – одежда. Пачка купюр на столе явно стала тоньше. Я соскочил с дивана и допрыгнул до кровати. Малыш спал. Секунду поколебавшись, я решил не будить его: за несколько минут ничего страшного не случится. Проверил деньги: пачка наличных похудела на пятьдесят тысяч триста рублей. Я пригляделся повнимательнее, заглянул в шкаф. Так, немного новой одежды. Телефон на столе. Кухня: небольшой телевизор настроен на музыкальный канал. На полу несколько коробок из-под пиццы. На столе книга какого-то Патмена и недоеденный кусок пирога. Я попробовал: вкусно. В холодильнике появились пельмени, ещё какие-то полуфабрикаты. Я уже понимал, что произошло, но не мог представить себе, как. Неужели небольшое сотрясение мозга способно сбить настройку? Или это эксперименты Пога? Нда. Опять напрашивалась мысль о самоубийстве, но кроме технических проблем теперь была ещё одна: Пог. Я не мог просто так бросить его. Даже если он умрёт, не факт, что следующий раз удастся найти его так быстро. Без начальника экспедиции последние лет тридцать всё валилось из рук,

так что терять снова я его не хотел.

Из кухни донеслись звуки: ребёнок проснулся. Пог пищал, махал ручонками, в общем, всячески привлекал внимание. Я припрыгал к нему. Пог затих, похоже, поняв, кто перед ним.

– Доброе утро, Пог.

Пог расплылся в улыбке, потянул ко мне руки. Я хотел достать из-за стола алфавит, но там его не было. Пог продолжал требовательно тянуть ко мне руки. Я взял его, и он вполне уверенно стал указывать мне направление. Пройдя посмотрев наверх, я заметил плохо замаскированную WiFi-видеокамеру. Положив Пога в кроватку и переключившись на радиодиапазон, я заметил ещё пару источников. Камеры оказались установлены в комнате, одна на люстре, другая почему-то под кроватью. Ясно. Ладно, с этим разберёмся позже. Я вернулся к Погу:

– Спасибо. Три камеры. Что-то ещё?

Пог замахал перед собой рукой: «нет».

– Ладно. Думаю, ты понял, что произошло: я потерял сознание и внезапно переключился на носителя. Есть предположения, почему?

Пог сделал неуверенный жест.

– Эксперименты с аппаратурой?

Пог виновато пожал плечами.

– Ясно. Неплохо бы выяснить, что и кому он сумел сказать. Я скоро вернусь. Кстати, где азбука?

Пог скрестил руки.

– Он его выбросил? – «Да».

– Ладно, потом. Схожу к соседям.

Я положил Пога на место и вышел на лестничную площадку. Оглядевшись, даже удивился: Wi-Fi был виден только из двух квартир. В сто десятой жила семья, которая при помощи интернета максимум смотрела сериалы, поэтому я направился в 108-ю. Внутри никого не было. Электронно-механический замок. Сломал пару скрепок, я плюнул и стал подбирать код. Через пять минут замок открылся. Внутри стоял полумрак. Компьютер на столе был выключен, но, оглядевшись, я заметил старенький лэптоп на антресоли под потолком. На всякий случай разобрал ПЭВМ и дал разряд на накопитель. За окном начинался дождь. Дурацкое начало года. Пока я слонялся по квартире, поджидая хозяина, в гостиной включился телевизор. Спустя пару минут открылась дверь, и в квартиру вошёл мужчина с рыжими бачками, с удивлением воззрившийся на меня.

– Что ты тут делаешь?! – спросил он громким баритоном.

– Я хотел спросить, не заходил ли я к вам пару дней назад.

Знаете ли, провалы в памяти...

– Опять? Да. Я сделал всё, как ты просил. От тех денег, что ты мне давал, ещё немало осталось. Тебе что-нибудь ещё нужно? Одежда, видеокамеры – это всё не столь дорого. Может, сиделку нанять пока что? Кстати, мы опять на «Вы»?

– Прошу прощения. Я же говорю, память. Беда просто.

Что именно вы... ты сделал?

– Наблюдение установил. Видеозаписи у меня, копии в облаке и у того психиатра. Но он сейчас в Иране, отдыхает. Вернётся числа восьмого или девятого. Скорее, восьмого, то есть послезавтра.

– Понятно, – я прикинул варианты, – а связаться с ним сейчас можно?

– Это вряд ли. По телефону дорого, а интернета, вроде, у них там не будет. Но ещё до отлёта он говорил, что видел одну запись, по тому, как ты шарился по квартире, может, что и вправду раздвоение личности. Он по-другому говорил, но смысл примерно такой. В любом случае ему нужно будет встретиться с тобой лично, так ничего не скажешь.

– Понятно... – Повторил я. Что же, выяснять, что там видел этот непонятный психиатр, я не буду. Не важно.

Удалив вместе хозяином квартиры все копии записей в интернете и письма (я проверил, ничего компрометирующего в них не было – только сами видеофайлы, в которые я не стал вникать), я убедил его, что всё, связанное со мной, ему примечталось.

Гур до сих пор жил в Венгрии, ему почему-то нравилась эта страна. Но теперь на носу висело несколько больших событий, так что кому-то следовало поехать и на Ближний Восток. Я бы не поехал, Люкс, вроде, тоже собирался вскоре переехать в Россию, оставался Гур. Его отпуск и так несколько затянулся. Поэтому я набрал короткий номер из трёх цифр,

затем ещё двадцатизначный код – местные операторы радиосвязи становились едва ли не удобнее наших гравитационных передатчиков. Через секунду я услышал голос:

– Дмитрий Карлович на связи.

Гур, как всегда, соблюдал осторожность. Всегда – с того момента, как едва не опустошил небольшой российский городок пару сотен лет назад. Даже будучи подключён, судя по голосу, к сотовой связи напрямую, без аппарата, он не стал представляться Гуром. Я подыграл ему, зная, сколько поможет мне выльется на голову, стоит хотя бы только пошутить на мою любимую тему рептилоидов:

– Привет, Карлыч. У меня телефон... ну, стационарный, барахлит. Наш Декс звонил, я его слышу, он меня нет. Микрофон бы поменять. И ещё вот что, тебе бы смотаться, отдохнуть... Ну, можешь воспринимать это как командировку.

Гур перебил меня:

– Добрый день. Насчёт Декса я в курсе, но, по-моему, у него обратная проблема, он никого не слышит. Я передам Люциусу, чтобы отправил тебе запасной микрофон, а вот Дексу придётся посылать курьера. Насчёт же отдыха-командировки... Неожиданно, но я готов. Но договоримся позже, я на городской позвоню.

Я положил трубку. Гур в своём репертуаре. Пог начал подавать признаки жизни: видимо, слышал часть разговора и теперь сгорал от нетерпения. Я направился к нему, чтобы успокоить, но оказалось, что малыш попросту описался. По-

ка я менял ему бельё, сзади донеслось тепло включившегося приёмника: Люкс. Запеленав малыша (кажется, всё же сейчас это был Пог, но он вёл себя тише воды, ниже травы, стесняясь обмоченных пелёнок), я открыл лоток приёмника. Оттуда вылезали коробочки, пронумерованные в том порядке, в котором следовало пробовать менять блоки приёмника. Дождавшись конца передачи – всего получилось семь коробок, – я приступил к работе. Примерно на пятой коробочке приёмник начал оплавляться, задымился и через минуту полностью исчез, оставив лишь быстро улетающий острый запах. Открыв шестую коробку, я обнаружил в ней сложенный вчетверо новый приёмопередатчик. В седьмой оказался букет каких-то синих цветов, кажется, ирисов. Поставив его в банку с водой, я вернулся к Погу.

Тот смотрел на меня выжидающе. Я вздохнул:

– Уйди на десять минут. Дай ребёнку поесть. Он хоть удовольствие от процесса получит.

Взгляд Пога помутнел, и тут же на его место пришёл человек. Я дал ему соску и пару минут наблюдал, как понижается уровень белой жидкости во флаконе. Когда осталось совсем немного, я отнял у него еду – он тут же недовольно сморщился и потянул к бутылочке лапки. Я подмигнул, убирая её из поля его зрения:

– Мы ведь не скажем Погу, а то он опять будет ворчать, что у него время отнимаем.

Малыш заворожённо смотрел на меня, хотя я произнёс

эти слова совершенно по-человечески. Я достал из кармана купленный пару дней назад детский фруктовый салатик и дал его малышу. Тот недоверчиво потрогал синий тюбик, лизнул и с видимым удовольствием присосался к новому лакомству. На всякий случай я написал Погу записку: «Пошёл поговорить с Люксом», приклеил её к потолку и направился в кухню.

Приёмник показывал полный заряд. Если больше не будет таких накладок, то до конца жизни моего нынешнего носителя должно хватить.

Люкс ответил сразу:

– Что такое?! Почему...

На большее его не хватило. Пожалуй, не стоило давать ему возможности утонуть в расспросах, так что я сразу выложил:

– Люкс, хорошего тебе времени. У меня новости. Главное, Пог нашёлся.

Я физически ощутил, как Люкс замер. Конечно, «физически ощутил» – это лишь фигура речи, связь работала не настолько хорошо, но я прекрасно представлял, что он должен был сейчас чувствовать.

– Далее, проблемы со связью. Я так понимаю, это дело шаловливых рук руководителя экспедиции. Мало того, он теперь воплотился в виде младенца. В общем, мне повезло, если бы я вышел на него на пару часов позже – пришлось бы начинать поиск с нуля. Не знаю, признаться, что с ним делать. Но если твои планы не меняются, я останусь здесь до

твоего приезда. Гур поехал в Тегеран, мне там нужна небольшая помощь...

Люкс перебил меня:

– В какой ещё Тегеран?! А кто будет в Венгрии?

– Да мне буквально на неделю. Успеет. В общем, вот основное.

Люкс задумался, потом решил уточнить:

– А почему я тебя не ощущаю? Проблемы со связью настолько велики?

– Да. Похоже, Пог там накуролесил с оборудованием, так что связь пока лишь голосовая. Ну, предметы, как видишь, пересылать можно, но в следующий раз воздержись от таких шуток. По уму тебе вместе с Погом спуститься бы на базу, починиться аппаратуру.

– Обязательно, – понятно было, что Люксу эта идея не понравилась, – только с текущими делами закончу. Так что лет через десять. Когда будет возможность полностью отключиться.

Я пожал плечами:

– Знаешь, я спускался туда в человеческом обличье. Ничего. Правда, ноги отморозил, но пока не жалею.

Тут я вспомнил ещё об одном аспекте:

– И вот ещё, Люкс. Неполомки там или что, но почему-то я на пару дней отключился от носителя, и он действовал автономно. Камеры в квартире поставил. Собственно, поэтому я и попросил Гура помочь, одного человека на всякий слу-

чай убрать бы.

Люкс вздохнул:

– Ладно. Главное, к марту... Самое позднее – к апрелю все должны быть на местах. Прошлую пандемию они прошли так себе, к тому же эксперимент пришлось ограничить из-за гражданской войны в России – и не забывай, что ответственность за провал несёшь в том числе и ты – так что сейчас нам нужны наблюдатели во всех странах, способных создать вакцину. Декса я отправлю в Китай. А ты с Погом сиди на месте. Если что...

Тут связь прервалась. Да уж, Люкс не злопамятен, но, как тут говорят, зла он не помнит – он его записывает. Действительно, хотя война и была инициативой Декса и Гура, но именно я уговорил Люкса провести её одновременно с пандемией, в результате чего оба эксперимента по большому счёту не удались. Я вернулся к Погу:

– Слышишь? Говорил с Люксом. Вам с ним бы вернуться на базу...

Пог возмущённо замахал на меня ручками. Я постарался не обращать внимания:

– Один он не сможет. Точнее, у него нет допуска к настройкам, а у тебя руки растут из...

Я осёкся: негоже так говорить с начальником. Но, похоже, Пог уже смирился со своей ролью мальчика для битья. Поэтому я подытожил:

– К тому же ты как раз подрастёшь. По местным законам

тебе даже, хм, можно будет жениться и употреблять местный алкоголь.

Пог обиженно отвернулся, должно быть, вспомнил, как прикрывал подвыпившего Гура и чем это кончилось. Я посмотрел на календарь. Через несколько дней заканчивались местные выходные, а мне до марта, в соответствии с наставлениями, нужно было ещё устроиться в пару контор, имеющих шансы на создание вакцины от этой ерунды, запущенной Люксом, проверить несколько небольших махинаций с прицелом на выборы в США – будто он сам не мог этим заняться! – и, пожалуй, соорудить себе протезы, чтобы не привлекать излишнего внимания с ребёнком на руках.

База

Вчера звонил Люкс, ругался, что заражение идёт более медленными темпами, чем ему бы того хотелось, и что он может не уложиться с нужными замерами до конца года. Пришлось покупать билеты на самолёт и лететь, надышавшись заразы, в Италию: по мнению Люкса так пандемия быстрее дойдёт до России и Венгрии. При чём тут Венгрия, я не очень понял, ведь за неё отвечал Гур, но Люкс был таким разозлённым, что я предпочёл не спрашивать. Малыш тем временем учился разговаривать. Я читал, что люди начинают говорить как минимум в год, но Пог настолько хотел перейти к более-менее нормальной коммуникации, что даже в периоды, когда тело было под контролем человека, из его уст уже доносились различные слова. Люкс по этому поводу неодобрительно хмыкал, но свои соображения пока не высказывал. Месяц прошёл относительно спокойно. План Люкса понемногу разворачивался. О Дексе не было слышно, впрочем, как и о Гуре. Но Люкс заверял меня, что у них тоже проблемы со связью. Я, правда, подозревал, что он мог их направить к базе, не ставя в известность меня и, соответственно, Пога, но предпочитал об этом не думать. Как гром среди ясного неба прозвучал очередной вызов Люкса: на этот раз я смог принять его, как в старые добрые времена, безо всякой аппаратуры.

– Ты что, наладил связь? Я подозревал что-то такое.

– Нет. Всё хуже. Местные в младенчестве имеют зачатки телепатии, поэтому можно держать связь связь через носителя Пога. Но только когда это не Пог. Вот как сейчас.

У меня закружилась голова.

– Не связано ли это с событиями двухтысячелетней давности?

Чувствовалась неуверенность Люкса:

– Не знаю. Такая ситуация у нас впервые, но стоит ею воспользоваться...

– Эй, мы этот пост, вроде, не к опустошению готовим, а от твоих экспериментов и так вся планета на ушах! Вспомни прошлогодний эксперимент в Австралии, ты про него не забыл ещё?

Люкс согласился:

– Не к опустошению... Знать бы, к чему. Ладно. Нет, не забыл, проверим скорость восстановления лет через двадцать. Главное, имей в виду вот что, по моим прикидкам, теперь Пог не будет контролировать сон носителя. То есть, кто первый проснулся – того и тело. Умертвлять его действительно не стоит, по крайней мере пока не работает толком Главный передатчик.

– И что мне теперь делать?

– Придумывайте имя для носителя.

Имя придумывать долго не пришлось. Пог ткнул пальцем в первое попавшееся и стал также Автандилом.

Через неделю после разговора с Люксом мне всё же пришлось покинуть Пога на время: позвонил Гур и растерянно сказал, что Люкс всё перепутал, и он уезжает из Венгрии в Швецию. У меня, по его словам, было время до начала июня, и Люкс очень хотел, чтобы я съездил на базу, проверил резервное питание Главного передатчика. Несколько обеспокоенный, я вызвал Люкса, но тот не отвечал. Гур пояснил:

– Мы с ним общались на повышенных тонах, я ему пытался доказать, что Пока сейчас терять нежелательно, но Люкс такого наговорил... В общем, в чём-то он прав: хотя Пог и начальник экспедиции, но работой руководит Люкс. В общем, пока авиасообщение не закрыли, я вылетаю к тебе. Жди. И подготовку, пожалуйста, инструкцию, что делать с Погом, а особенно – с Автандилом.

Я чуть было не ляпнул «главное, затыкай ему рот, когда он Пог», но осёкся: Гур таких шуток не понимает. Дмитрий Карлович, надо же придумать такое. Пришлось сходить в магазин, купить продуктов на месяц для Гура и Пога. Я как раз заканчивал приготовления, когда раздался стук в дверь. Я открыл. За дверью стояла статная женщина лет пятидесяти в джинсовом костюме. Наверное, многие удивлялись, что она при нуле градусов ходила без верхней одежды и в кедах. В руке у неё был небольшой саквояж. Я кивнул на поклажу:

– Что, Дмитрий Карлович, не рассчитывал на русское гостеприимство? По запаху чувствую, не свежая. У меня в холодильнике есть недельной давности, а вообще, угощайся,

если хочешь.

Гур помотал головой:

– Я так, на всякий случай. И насчёт Дмитрия Карловича... Пока что Ирина Николаевна Суслова, но, надеюсь, ненадолго. В общем, зависит от того, как ты сейчас сработаешь. У меня ещё и рак на последней стадии. Так что...

Я усмехнулся:

– Эта Ирина Николаевна должна быть очень благодарна тебе.

Гур дёрнулся, словно от удара:

– Люкс тебе потом скажет. В общем, тебе действительно нужно слетать на базу, ты единственный, кроме самого Люкса, кто может что-то сделать с оборудованием. И это не может ждать конца его работы. Люкс предполагает, что Пог тебе там не понадобится. Пока что.

– Да, Гур, только вот что, я сейчас только начал выяснять, что там у Пога было, хотел бы задержаться ещё немного...

Гур, не дослушав, замотал головой:

– Отключайся. За Погом пригляжу.

– Ладно... И за мной тоже. Носитель может проснуться.

Я отключился.

Возвращаться в своё тело было довольно неприятной процедурой – почти настолько же, насколько вселяться в нового носителя. Ноги и руки отказывались повиноваться, и вообще, хотя у аборигенов тоже было по пять пальцев и в целом схожий внешний вид, их иннервирование происходило

по совершенно иной схеме, к тому же для движения использовались сухожилия. Эти смутные знания, которые пытался донести до нас в своё время Люкс, как всегда были бесполезны. Я пытался пошевелить пальцами, чтобы открыть лежак, но вместо этого моргал то левым, то правым глазом. Наконец, мне удалось откинуть крышку. Я прислушался к ощущениям. Запахи – в том смысле, в каком я воспринимал их в теле носителя – пропали. Анализатор показывал, что атмосфера пригодна для дыхания. Я вышел из своей комнаты в коридор и, привыкая заново к телу, двинулся в направлении Главного передатчика. Теперь нужно выяснить, куда Люкс подевал инструкцию по энергоснабжению, и как... Тут я зашёл в первую подсобку, где хранилась литература, и все мысли вылетели у меня из головы. Пог прошёлся по Главному передатчику подобно местным торнадо. Отдельные листы каких-то инструкций устилали пол. Я подошёл к висевшему на стене отростку передатчика а набросил себе на ухо:

– Люкс, на связи?

Люкс не заставил себя ждать:

– На связи. Долго ты переключался, тут неделя прошла.

Как там дела?

– Да уж, дела... – Я не мог оторваться от зрелища разорённого помещения. – Как ты можешь понять, я на месте, но место так себе – я передал Люксу обзорный вид комнаты.

Тот опечалился:

– Возникает желание отключить Пога, пусть разбирается.

Но это рискованно, сам знаешь, ему последнее время не везёт с носителями. Поэтому иди, во-первых, в его комнату, и сбрасывай все настройки. Что он там наворотил, даже ему самому неизвестно. Кстати, с тобой хотел Гур поговорить.

Я увидел Гура – не в образе его нынешнего носителя, но и не его самого. Гур предстал почему-то в форме запаха туалетного мыла.

– Прошу прощения, Ленц, за мой вид, но как зовут твоего носителя?

Я задумался:

– Вроде, Михаилом. А к чему это? Он что, всё же очнулся?

– Да тут... В общем, ничего страшного, но как закончишь, не задерживайся. Пог очень недоволен, что ты на базе, кстати. Но не хочет объяснить, почему. Отбой.

Люкс пожал плечами:

– Мне он ничего не говорил. Ладно, удачи.

Я отключился. Дверь в комнату Пога была заперта кодом начальника экспедиции, поэтому пройти туда мне не удалось. Что ж, мы пойдём другим путём. Я вернулся к передатчику и вызвал опять Люкса:

– К Погу не пройти, могу я сделать всё из главного зала?

Люкс помотал головой:

– Не стоит. В конце концов, если ему нравится быть то рептилией, то детёнышем, это его право. Меня больше беспокоит, что уровень сигнала последние годы нестабилен, а неделю назад падал почти до нуля. Как раз когда ты говорил,

что потерял сознание.

Я вздохнул:

– Ладно, что делать?

Люкс неожиданно рассмеялся:

– Сходи в главный зал, на приборы глянь. Там, где стрелка ниже всего, скорее всего, и есть неисправность.

– А инструменты?..

– А если там творится то же, что в библиотеке, то при необходимости инструменты мне будет проще отсюда переслать.

Я пошёл дальше по коридору, поглядывая по сторонам, но нигде больше такого беспорядка не было. Внимание моё привлёк анализатор атмосферы над одной из дверей: состав воздуха за ней практически совпадал с поверхностным слоем атмосферы планеты. Подойдя к двери, я успокоился: это было помещение для хранения местных образцов. Правда, судя по индикатору, там горело основное освещение. Неужели Пог заходил туда и забыл выключить? Странно. Я подумал о том, чтобы выключить его, и через секунду индикатор погас. Если уж какие-то растения и хранятся там в живом виде, то у них свои осветители, и ни к чему тратить энергию на свет, если её и без того не хватает.

Дверь в помещение Главного передатчика была заперта не только Поговским ключом, но и потребовала для открытия физического контакта. Я пнул её, и дверь, узнав члена экспедиции, открылась.

Внутри всё было как обычно. Вопреки опасениям Люкса, порядок был если и не идеальный, то о визите Пога напоминали разве что раскиданные тут и там обёртки из-под обобщённой пищи. Судя по ним, Пог здесь питался чем-то зелёным, хотя, пока я подметал, мне попало и несколько обрывков красного цвета. Никогда не думал, что кто-то сможет *это* есть по доброй воле. Пройдя к панели с индикаторами, я сразу заметил, что седьмой расположен в красной зоне. Соответственно, как нас учили, на панели с кнопками нужно нажать седьмую красную кнопку. К моему удивлению, седьмой красной кнопки не было. Точнее, сказать, кнопка была, но она была перекрашена в тёмно-синий цвет. Немного посомневавшись, я связался с Люксом и по его настоянию всё же нажал её. Стрелка индикатора стала синей, оставшись в красной зоне. Я пожал плечами и решил подкрепиться: одно дело наслаждаться вкусами в облике человека, одновременно получая питание от системы жизнеобеспечения, другое – раз в несколько десятков лет самому что-нибудь съесть.

Сколько времени я здесь не был! Решив не есть на ходу, я пошёл в буфет, пару раз свернул не туда, и по ошибке вернулся к Главному передатчику. Тогда, смирившись с тем, что придётся идти к буфету через жилой отсек, я вышел опять через коридор, проклиная тот день, когда согласился использовать в качестве базы готовую систему пещер. Проходя мимо двери, ведущей к местным образцам, я обратил внимание, что свет внутри вновь включён. Дав себе обещание про-

верить выключатель, я дошёл до своей комнаты, дал команду буфету приготовить что-нибудь серо-зелёное, и пошёл есть.

В буфете меня уже ждал обед (я покосился на часы: три часа ночи по местному времени, к тому же в этих краях вообще полярная ночь, но пусть у меня это будет обед). На тарелке лежало что-то оранжевое. Я заглянул в холодильник: ну, там и есть, на серых полках лежали оранжевые червяки, на зелёных – какие-то красные конечности. Что за ерунда! Со вздохом съев пару кусков оранжевого горячего желе, я занялся перекладыванием пищи. Потратив на это час, я заметил, что полки в холодильнике начали перекрашиваться: видимо, сбой в настройках затронул и его. Имело смысл возвращаться.

Сперва я всё же насладился серо-зелёными водорослями, а затем, прежде чем – нужно признать, без особого результата – завершить своё пребывание на базе, я зашёл в отсек с образцами. Каково же было моё удивление, когда в одном из залов среди банановых пальм, растущих в чересчур для меня влажной и жаркой среде, я увидел человека в набедренной повязке, жующего банан!

Следует признать, в первый момент я впал в панику: всё же я был без скафандра, так что, если у этого человека было бы такое намерение, он мог напасть на меня. Но я с честью вышел из положения: пользуясь намного более быстрой реакцией, я успел выскочить из комнаты и запереть её за собой. Со всех ног, а затем, чтобы было быстрее, ползком я

добрался до своей комнаты, переделался из домашней формы в парадную, включавшую в себя необходимое оборудование, и вернулся в комнату с человеком. Настолько я помнил, несколько людей были оставлены на корабле, но никаких планов по хранению их – тем более в бодрствующем виде! – на планетарной базе не было.

Тем временем человек успел надеть строгие брюки, пиджак с манишкой, шляпу и церемонно опирался на трость, оглядывая меня, будто это я тут был странным и неуместным экспонатом.

Последний раз я наблюдал местных жителей своими глазами около двух тысяч лет назад, и его движения мне представлялись теперь очень плавными, так как я всё ещё ориентировался на скорость восприятия носителя, которая отличалась от нашей примерно в десять раз.

Низким скрипучим голосом он проговорил:

– Господин Пог? Признаться, в первый раз мне послышалось «Бог», что отчасти и привело к дальнейшему курьёзу.

Я, несколько опешив, всё же ответил, что зовут меня иначе, и я не против выяснить, откуда он вообще тут взялся.

Мужчина, казалось, вовсе не удивился:

– Пусть будет Ленц. Я думал, что Пог, отказавшись от меня в качестве своего вместилища, и разрешив прожить в этом благословенном месте до старости, не даст тем не менее возможности общаться с себе – и ему – подобными. Те более благодарен вам за эту встречу.

Я начинал понимать. Пог ради своих экспериментов пробрался на базу в человеческом обличье, оборудовал одно из помещений для проживания своего носителя – видимо, на случай неудачи – а затем начал пробовать перенастраивать технику. Да так её изувечил, что до сих пор неспособен простым волевым усилием отключиться. Но как тогда... Я мрачно спросил отшельника:

– И как вы до сих пор не сошли с ума в одиночестве?

Мужчина рассмеялся:

– Ну, ваш товарищ оставил мне довольно способов провести время, так что оно движется совершенно незаметно. К тому же, если вы не знаете, я при жизни... Простите, привык уже к мысли, что я умер... Так вот, при жизни я был приговорён к пожизненному заключению... Неважно. В общем, мне следует быть скорее благодарным ему, хотя я сомневаюсь, что действительно оказался в раю.

Тут он щёлкнул пальцами, и пейзаж вокруг переменялся: вместо одинокой пальмы возник сосновый бор, голубые волны, щекочущие золотистый пляж, сменились свинцовой водой Балтийского моря. Всё ясно. Пог ввёл в заблуждение аборигена, чтобы оставить себе путь для отступления. А чтобы иметь возможность вселиться в него в любой момент, не стал усыплять того как образец фауны, а просто создал подходящее окружение. Молодец, конечно, задумка интересная, вот только он не счёл нужным проконсультироваться с Люксом, а просто взял питание для фантазий этого существа от

резервной батарее, вследствие чего, с одной стороны, начались отклонения в работе Главного передатчика, а с другой – опять-таки привлёк к базе внимание Люкса, отвечающего за её работоспособность. Я с грустью смотрел на человека, который, не обращая уже на меня особого внимания, играл в шашки с каким-то призраком, вызванным им по случаю. А ситуация-то патовая. Убивать его будет нечестно по отношению к Погу, оставлять на базе – по отношению к Люксу. Советоваться с Люксом неразумно, тем более, что Пог, как ни крути, начальник, а с Погом – невозможно: хотя он и научился немного говорить, на сложные темы ему ещё трудно общаться. Да и остальные станут свидетелями не очень приятного для Пога разговора. Забрать его отсюда... Можно, но для этого мне самому придётся выбираться на поверхность.

Я отключил один из генераторов генератор окружения – тут же вдали стали видны обледенелые стены пещеры, повеяло холодом, призрак-шашкист исчез, а местный, с позволения сказать, житель упал с исчезнувшего стула. В испуге он заозирался по сторонам и, разглядев меня, подошёл:

– Я так понимаю, моё время истекло? Это было что-то вроде чистилища, теперь мне будут показывать ад?

Я покачал головой:

– Ада не будет. Извини, но сейчас тебе пора будет спать.

Я по привычке хотел было усыпить его взглядом и только через пару секунд сообразил, что гипноз – весьма специфическое для местных жителей развлечение, которым я мог

заниматься лишь в обличье человека. Тогда я достал шприц с составом № 17633 и вколол ему. Затем вернулся в машинный зал, нажал седьмую красную кнопку – на этот раз она и вправду была красной – и вернулся в комнату для образцов.

Проходя с погружённым в сон образцом – или, точнее сказать, неиспользованным носителем – мимо комнаты Пога я с сожалением подумал, что было бы неплохо оставить его там, но придётся нести к себе. Тут мне пришла в голову одна замечательная, как мне показалось в тот момент идея: я быстро сходил за шваброй и подоткнул ею дверь в комнату Пога. Затем, вернувшись к себе, я положил человека в кресло, лёг в ложемент и нашёл глазами кнопку подключения к Главному передатчику.

Михаил: запись № 6

Я понимаю, что любые мои заметки будут уничтожены. Но мне кажется, что они не очень внимательно относятся к аудиозаписям. Может, мне это только кажется, но я постараюсь оставить как можно больше записей на этом диктофоне, с которым с грехом пополам мне удалось разобраться. Ноги болят, но им нет никакого дела. Впрочем, они дают мне еду – какую я попрошу, откуда я делаю вывод, что меня слышат. Как домашнему животному покупают еду – разница в том, что я, в отличие от кролика или цыплёнка, понимаю, *что* употребляют в пищу хозяева

Женщина с ребёнком – не могу поверить, что и он принадлежит *им* – засуетилась. Ребёнок кричит, но не так, как должны кричать дети. Он кричит, прислушиваясь. Зная, что его *понимают*. Это невозможно. Я как раз читал «Омен», и кажется, что всё, произошедшее со мною – следствие моего увлечения определённым жанром. Умом я понимаю, что это не так, но я, двадцатилетний, смотрю на своё пятидесятилетнее тело – и прихожу в ужас. Остался последний шаг.

Женщина говорит с ребёнком. Иногда она говорит по телефону на незнакомом языке, но с ребёнком она говорит по-русски. Создаётся ощущение, что ребёнок тут главный. Что он чем-то недоволен. Его слов я разобрать не могу, но хорошо слышу её: она совершенно не принимает меня в расчёт.

Женщина оправдывается перед ребёнком и говорит ему, что это ненадолго, что некто Ленц – я так понимаю, так зовут мою дьявольская сущность – скоро вселится в меня. И я прихожу в ужас. Я понимаю, что моё тело – я не могу сдержать слёз, глядя на небрежно перемотанные обрубки вместо ног – представляет для них ценность, а на меня, на душу, на мою память им просто плевать. Женщина даже не пыталась ни разу со мной заговорить. Сейчас я сделаю ещё одну запись – последнюю – и заберусь на подоконник, и выползу в окно. Женщина говорит с кем-то на своём языке, значит, пять минут у меня есть. Высоты шестого этажа должно хватить.

Сомнения

– Идиот!!! Ты мне по этому поводу звонишь?! – Я был вне себя от возмущения, еле успев отдернуть палец от кнопки перехода.

Гур пожал плечами:

– Я же не знаю, может так задумано. Он что-то говорил в телефон, потом забрался на подоконник. Вроде, открывает окно. Сейчас зайду в комнату, гляну. Ну, сейчас выползает. Вот, начинает падение.

– Лови! Я уже привык к нему! У тебя есть полторы секунды, чтобы успеть!

Я увидел, как Гур метнулся по прямой к закрытой створке окна, выпрыгнул в него – во все стороны разлетелись осколки – и придал себе начальную скорость, оттолкнувшись от подоконника. На земле он оказался на треть секунды раньше Михаила и только успел выправить его положение так, чтобы тот не сломал себе позвоночник. Убедившись в этом, я нажал кнопку, уже предвкушая, если можно так сказать, сомнительное удовольствие очнуться в теле, у которого к этому моменту наверняка добавилась пара переломов.

Реальность не заставила себя ждать. Первым делом – отключить все болевые рецепторы. Всё же человеческое обличье мне сейчас шло больше, чем родное, даже если оно и накладывало некоторые ограничения. Будто хороший костюм. Да, ноги нужно будет приделать обязательно, а то с поручениями Люкса времени на уход за собой совсем не остаётся. Гур отнёс меня в квартиру под изумлённые крики прохожих. Какой-то мужчина попытался силой остановить нас, утверждая, что у меня может быть травма позвоночника, но я ответил ему, что чувствую себя прекрасно, а Гур, пребывая в плохом настроении, даже не стал гипнотизировать наглеца, а просто откинул его на пару метров в сторону.

В квартире было прохладно. Я сразу стал звонить в фирмы по установке окон – вторая согласилась прислать мастера уже к вечеру, – а Гур пошёл прослушивать, что Михаил успел наговорить на диктофон. Из комнаты он вернулся ещё мрачнее, чем был:

– Ленц, мне пора уезжать. Послушай, я не стал удалять, там есть кое-что по твоей части. Из психологии аборигенов. Если что, вызывай.

И он вышел.

Я понемногу начал включать рецепторы. Удивительно, но есть не хотелось. Видимо, Гур, хотя и не углядел за поведением моего носителя, кормил его всё же неплохо. И на том спасибо. Тогда я сел за прослушивание записей, о которых

говорил Гур. Примерно к пятой я проникся некоторым уважением к носителю: не обладая исходными данными, он сумел сделать более или менее верные выводы. Хотя, конечно, их можно списать на пустые фантазии, мой долг как психолога отнестись к этому существу с должным уважением. Жаль, я не могу, будучи воплощён в носителе, общаться с ним напрямую. Но этот человек, похоже, более разумен и более склонен принимать реальность, какой бы она ни была. Я доковылял до кухни и подошёл к кровати:

– Пог?

Ребёнок смотрел на меня тёмными глазками серьёзно и внимательно, но это явно был не Пог. Я улыбнулся Автандилу, он ответил мне – и тут мне стало не по себе. За несколько десятков поколений у нас не было опыта работы со столь юного возраста. Может, у Люкса и были какие-то планы по постановке экспериментов, но Пог явно опередил его, и я подумал, что, возможно, Погу предстоит действительно делить это тело с реальным человеком.

Я показал Автандилу язык, отчего тот расплылся в улыбке на всё лицо и высунул свой. Это была наша игра, о которой Пог не знал. Я вздохнул. Выбор был тяжёлым, и ни Пог, ни Люкс не могли бы мне помочь. Я перетащил ребёнка в кухню, и он тут же заснул.

Пока я размышлял, меня вызвал Гур:

– Слушай, мне тут немного денег не хватает, к началу следующего года. Думаю, прикупить акций, что посоветуешь?

Я вздохнул. Знаю я его «прикупить акций». Потом глобальный рынок ещё годы лихорадит. Впрочем, Люкс всё равно со своей пандемией...

– Бери нефтяников. Но чтобы к концу года вернул цены на свои места.

Гур ухмыльнулся:

– К концу года восстановлю, но что там дальше будет – от Люкса зависит.

Я махнул рукой. Наверняка нашёл какое-нибудь перспективное производство коньяка, вот и играет в бирюльки. Производство туда, производство сюда... Я вернулся мыслями к насущным делам. Хорошо рассуждать о научной этике, когда она не касается непосредственно тебя. С другой стороны, общий принцип педагогики, к которому понемногу подходят даже местные – обучать следует лишь своим примером. Поэтому сел за стол и не торопясь стал выводить на листе бумаги буквы местной азбуки.

За этим занятием меня застал звонок в дверь. Пропрыгав к двери, я впустил рабочих, которые, поцокав языками, сказали, что мне стоит просто временно заклеить окно плёнкой и что окно они, конечно, заменить могут, но тогда вскоре мне придётся вызывать их снова. Запрыгнув на подоконник (рабочие покачали головами, но ничего не сказали), я понял, в чём дело: отталкиваясь от подоконника вниз, Гур сломал пару кирпичей. Я махнул рукой: пусть меняют окно. И пусть – жаль, что я сообразил это только сейчас, – вызывают свар-

щика и устанавливают решётки. На их недоумённые взгляды я ответил:

– Я инвалид. Как видите, на подоконник я забраться способен, но вдруг случайно вывалюсь? И да, готов заплатить втрое против того, что вы получите за обычную работу.

Придирчиво осмотрев квартиру, я должен был признать, что работу они выполнили на совесть: мало того, что сделали всё как я сказал, установили решётки с надёжными замками и вторую дверь, за которой съездили тут же куда-то на ночь глядя, так ещё и заделали выломанные кирпичи, поэтому деньги я им отдал с чувством глубокого удовлетворения. Признаться, я даже был рад, что работа их затянулась за полночь, потому что было необходимо собраться с мыслями. Я успел дважды покормить малыша. Пог то ли не появлялся, то ли был занят чем-то своим. Но наконец рабочие разошлись, Пог, наконец, пробудившись, посмотрел на меня укоризненно и вновь заснул, и я сел за работу. Спустя три часа, исписав два листа, я сжёг в раковине черновик. Затем вышел из дома и прокатился до круглосуточного магазина, где купил настольный будильник. Дома я выставил его по местному времени и переправил на базу: так я смогу следить за временем, не вставая с ложементов. Также я переправил томик «Графа Дракулы», которого Гур всё просил меня прочесть, говоря, что мне понравится. Напоследок запер на замки все решётки, поместил Пога между дверьми, предупредив его, чтобы по возможности не оставлял ребёнка одного, и запер и их

тоже. Ключи отправил на базу, сел за стол перед исписанными листами и отключился от носителя.

Очнувшись на базе, я поставил будильник на пять утра: пожалуй, трёх с лишним часов для моего соратника будет достаточно на первый раз – и погрузился в чтение романа Стокера. Чем дальше я вчитывался, тем больше во мне зрело убеждение, что текст этот был написан не то под прямым влиянием Гура, не то им самим, больно уж стиль напоминал Гуровское чувство юмора. Мне оставалось меньше сотни страниц, когда раздался писк будильника. Отложив в сторону книжку, я встал, переправил обратно в свою квартиру ключи и, надеясь на лучшее, отправился туда сам.

Вернувшись, я облегчением увидел себя примерно в той же позе, в которой покидал тело. Бумаги и телефон лежат на столе. Есть не хочется. Уже неплохо. Я отпер дверь, переложил Автандила в его кроватку и вернулся к столу. На моих записках внизу была приписка, сделанная неровным почерком: «Мне привычнее диктофон, я оставил запись». Я взял телефон и начал слушать запись Михаила. Голос был намного более ровным, чем на предыдущих записях, и это настроило меня на благожелательный лад.

Михаил. Запись № 8

Для начала, я очень благодарен, что вы позволили мне жить. Сразу скажу, со всеми вашими условиями я согласен – а что мне ещё остаётся? Самоубийство не выход, к тому же один раз я уже пережил это. Это всё же страшно. Не так страшно, как та безысходность, которая меня к этому подтолкнула, но гораздо хуже чем та правда – если, конечно, это правда, – которую я узнал от вас. Хочу сказать, мне тут нравится. Я хочу жить тут. Я понял вашу идею, что, если я задумаю рассказать всем правду, то окажусь в лучшем случае юродивым в глазах людей, а в худшем – привлеку внимание вас или ваших коллег. Я согласен жить в этой квартире, вести обычную жизнь и всё прочее. Я ценю ваше предложение по поводу неограниченной траты денег, но на самом деле мне сейчас вовсе не до того. Скажите, что будет, если я случайно – или не случайно, я действительно не могу быть спокоен относительно состояния своей психики – встречу своих знакомых или родных? Или вы их всех?.. Ладно, если не хотите говорить, не говорите. Умоляю, только дайте мне возможность ещё раз выйти из небытия. Если вы не можете оставить меня в покое, пожалуйста, я хочу посмотреть лето... Я был в кафе сегодня ночью. Там кроме меня был ещё одна парочка, и я не мог избавиться от мысли, что я – тот самый мертвец, который вылез из могилы, чтобы убивать

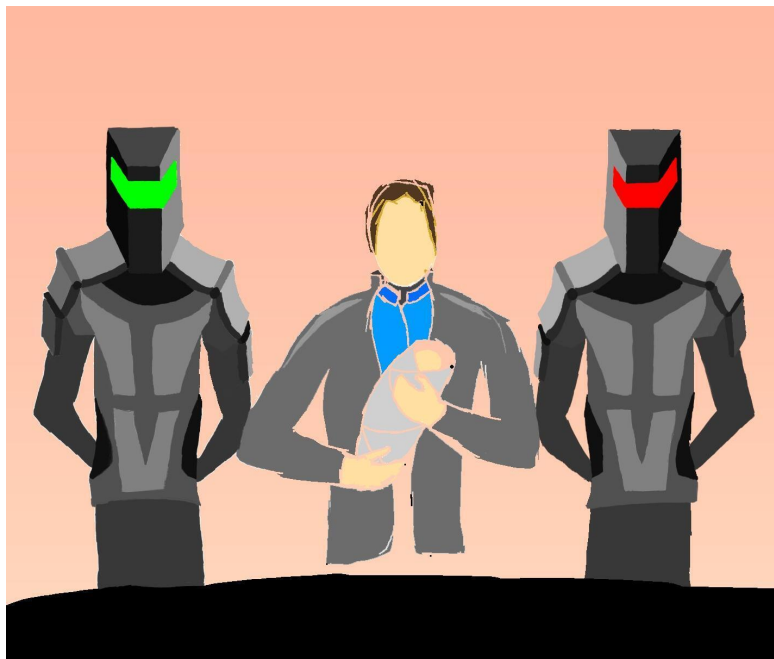
всё живое. Скажите мне ещё раз, что это не так. Вы сказали, что я не убивал своих родителей, но мне становится плохо от мысли, что я могу в какой-то момент превратиться в вампира и убить случайного человека. Я хочу жить, пожалуйста, разрешите мне... Хоть один день в месяц, хоть иногда... Я благодарен, за то, что вы дали сегодня мне эту возможность, и вижу, что вы тоже люди... хотя и нелюди... Но нам жить вместе...

Эпилог

На этом запись обрывалась. Кафе... проклиная себя, я огляделся: на подоконнике лежал второй комплект ключей, оставленный рабочими. Что ж, значит, этот землянин... Михаил оказался морально более устойчив, чем я о нём думал. Я поглядел на свои ноги: вместо старого скотча они были обмотаны новенькими, только что из магазина, наволочками. Пожалуй, стоило сделать носителю... Михаилу небольшой подарок. Коронавирус уже шагал по стране, но до отмены плановых операций было ещё больше месяца. Я запросил у Люкса протезы для ног и тут же позвонил в больницу, где, как я знал, могли установить их. Услышав, что именно я хочу сделать, они удивились: по их мнению, люди, которые могли себе позволить протезы по цене, превышающей годовой бюджет больницы, не должны были сюда звонить. Но я точно знал, что делаю, поэтому сказал только, что всё дело в срочности, и чтобы на мой адрес до завтра скинули список оборудования, которое может понадобиться для операции.

Муторно начался этот год. Через неделю – я дождусь, пока ноги перестанут болеть – Михаила ждёт приятный сюрприз. Я поймал себя на том, что я действительно забочусь о нём, как об Автандиле. Найти бы ещё его родителей... Только позаботиться о том, чтобы он не наделал глупостей. Я сказал Погу, что буду готовиться к операции; возможно, ему при-

дётся искать нового носителя. Но сперва наладить передатчик, это лет десять... А Михаил ещё не знает, что со мной в качестве симбионта он доживёт до двухсот лет... В общем, год предстоит нелёгкий. Как сказал Михаил, «нам жить вместе».

В книге использованы иллюстрации С. Кузнецова.